

Посвящается Борису Ивановичу Черных

В 1982 году в Иркутске было разгромлено и подверглось преследованиям Вампиловское книжное товарищество.

Длинные коридоры иркутского следственного изолятора. Мы идем по коридорам СИЗО, и двери камер одна за другой гостеприимно распахиваются перед нами. Борис Черных заходит в очередную камеру: «Здорово, мужики, жалобы есть?» – «А ты кто, прокурор?» – интересуется один из сидельцев. «Нет, писатель, бывший зек. Сидел здесь когда-то. Статья 70, часть 2. Если есть жалобы, то обращайтесь. Вот, – Борис Иванович кивает на своего старого друга, известного правозащитника Геннадия Хороших, – председатель комиссии по правам человека при губернаторе Иркутской области».

«Говорите, говорите, если есть что сказать», – подтверждает Геннадий Константинович. Мужики

Я признателен, только вот я от...
 может, лучше книг...
 и в конце...
 повторы...

Я не знаю, кто это...
 Насосал нефти, стужа...
 изсидался на...
 а теперь наделали в нем дыр.

Андрей ГРОХОЛЬСКИЙ

МОИ СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ, ИЛИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

**О ВАМПИЛОВСКОМ КНИЖНОМ
ТОВАРИЩЕСТВЕ**

Младшая, по...
 фаворит, но много проник,
 руку жала, дружили со...
 маленького, с...
 сухорукую, с братвой...
 удара из гоголевских...

Я ходил в тот вечер по музею,
 Каналетто, Сислей смотрел.

ки насторожились, смотрят испытующе. Рядом с нами начальник СИЗО, выражение лица тоже несколько напряглось. Это он по просьбе Геннадия Хороших организовал «экскурсию» для Бориса Черных. Мы ищем камеру, в которой Борис Иванович без малого год коротал дни и ночи во время следствия и суда. Борис уже успел рассказать гостеприимному хозяину, как его в воспитательных целях и по настоянию следствия поселили в «пресс-хату» к закоренелым уголовникам и как вынуждены были убрать оттуда, поскольку «антисоветская агитация и пропаганда» Черныха начала воздействовать и на их неокрепшие умы. Наконец, мы находим «родную» камеру Бориса Ивановича. «Вот здесь я не спал ночь перед судом и смотрел на звездное небо, на тюремный двор. А мальчишка-вор из того окна пел: «Что тебе снится, крейсер «Аврора»...» «У нас в блоке для несовершеннолетних недавно сделан ремонт. Можно посмотреть: сейчас все по европейским нормам», – доложил начальник СИЗО. «Ну, что

Андрей Грохольский родился в 1960 году в Иркутске. В 1983 году окончил филологический факультет Иркутского государственного университета. Работал учителем в школе, преподавателем в вузе, служил офицером в Советской Армии. С 1995 года – профессиональный журналист. Корреспондент, обозреватель, редактор городских и региональных изданий. Автор нескольких рассказов и повестей. На Всероссийском совещании молодых писателей 1996 года в Ярославле был принят в члены Союза российских писателей. В настоящее время – главный редактор издательства «Альянс-Медиа» в Иркутске.

же, пойдёмте, посмотрим ваш евроремонт», – согласился бывший политзек. После блока несовершеннолетних, с душевыми и комнатами отдыха, больше похожего на средней руки пансионат, нам показали еще одну достопримечательность иркутского СИЗО – камеру, в которой до расстрела содержался под арестом Верховный правитель России адмирал Колчак. Крохотная одиночка практически в подвале. «Здесь мы сделаем камеру-музей», – с гордостью сообщил начальник тюрьмы. «А из той, где сидел Черных, музей делать не собираетесь?» – спросил я. «Поживем-увидим, сейчас у нас места мало, тесновато», – с вежливой улыбкой ответил полковник.

* * *

Я перерыл весь свой архив и все-таки нашел, что искал. «Литературные тетради», выпуск №1, Иркутск, 1981, Вампиловское книжное товарищество. Тот самый самиздат.

– И что здесь такого криминального? – поинтересовался мой сын, всматриваясь в отпечатанные на плохонькой машинке, да еще через копирку, тексты и осторожно перелистывая пожелтевшие страницы, сшитые посеребрившими нитками. Действительно, что? Вопрос адресован мне. Сыну, студенту-медику, двадцать два года, ровно столько же, сколько было тридцать лет назад мне, студенту-филологу.

Май 1982 года. За окном буйствует черемуха. Ее пышные ветки и мощные стволы тополей заслонили нашу хату от улицы, прохожих, всего остального мира. Мы с Олей поселились в моем родовом домишке в иркутском предместье Глазково зимой, сразу после свадьбы. Этот наш первый май, наша первая весна. Низенькие окошки хаты открыты, мы дышим весной, черемухой и готовимся к экзамену по психологии. Я на минуту выхожу на кухню, возвращаюсь. Оля стоит у открытого окна, оборачивается, в глазах растерянность: «Это к тебе». За окном спокойное, почти приветливое мужское лицо. Вот странно, сейчас пытаюсь представить этого человека, какие-то его черты и не могу вспомнить ничего конкретного. Только внимательный, цепкий взгляд. В сером костюме, высокий, ему приходится нагибаться, чтобы заглянуть к нам в окошко. Он называет меня по имени-отчеству, представляется и показывает удостоверение. Я не вижу, что там написано, сразу забываю названное звание и фамилию, в сознание врывает

ется и врезается только одно: «Комитет государственной безопасности».

– Прошу вас проехать с нами, – произносит приветливое лицо в сером костюме.

– Хорошо, я сейчас, – отвечаю я. «Зачем?», «Для чего?» – лишние вопросы. Юля Пушкина уже предупредила меня о том, что в Вампиловском книжном товариществе были обыски, арестованы Борис Черных, Игорь Арефьев, Саша Панов. Я ищу носки и ключ от калитки. Носки кое-как нахожу, ключа – нигде нет. Вот так всегда, в самый нужный момент пропадает самая нужная вещь. Мы ищем ключ с Олей вместе. Пять минут, десять, пятнадцать: на полках, в карманах, в шкафах. Ключа нигде нет. Это становится похожим на скверный анекдот. Серый костюм, спокойно стоявший за окном, начинает переминаясь и заметно нервничать. Наверняка он думает, что мы прячем или уничтожаем нелегальную литературу. Чувствуя, что еще немного и наш гость не выдержит и нагрянет к нам через окно, я сам вылажу через подоконник на улицу. Приветливый опер внимательно смотрит на меня и приглашает за собой. На дороге, в двух шагах за цветущей черемухой, притаилась серая «Волга». Здесь сидит еще один товарищ в костюме и с отсутствующим лицом. Вместе, молча, мы доезжаем до областного управления КГБ на ул. Литвинова. Внутри здания на КПП нас встречает еще более приветливый человек в форме прапорщика. К тому же он более разговорчивый, чем его коллеги в штатском.

– Что, еще одного привезли? – интересуется прапорщик у моих провожатых, выписывая пропуск, шуточно ворчит. – Все возите-возите, а толку нет.

Потом почти сочувственно смотрит на меня и почти добродушно произносит:

– Ну, этот-то все расскажет. Правда?

Спасибо тебе, приветливый и словоохотливый прапорщик невидимого фронта! Последние твои слова меня почему-то сильно злят, но и одновременно выводят из состояния нервного ступора. «Хрен-то вам», – думаю я, почти успокоившись, и поднимаюсь со своими провожатыми по лестнице на второй этаж.

Мы беседуем в кабинете КГБ седьмой час кряду. Я уже совершенно спокоен. За это время со мной пообщались классические «добрый» следователь и «злой» со своими классическими подходами, начальник этих следователей, с очень серьезным лицом, чем-то внешне похожий на

Юрия Визбора. Я выбрал одну линию защиты и один ряд аргументов – «литература и никакой политики» – их и придерживаюсь. Вампиловское книжное товарищество – студенческое общество любителей литературы, меня в его деятельности привлекала только литература, если и была какая-то политика, то я об этом не знаю, никаких антисоветских высказываний ни от кого не слышал, никакой антисоветской литературы в глаза не видел. За время общения со следователями почти выкуриваю дежурную пачку «Беломора», что лежит на столе. Забавно, что хозяева кабинета эти папиросы не курят, гостеприимно предлагают мне, а сами время от времени выходят на перекур куда-то в коридор. У моих собеседников – свои аргументы: вы, конечно, серьезно вляпались, но не надо никого выгораживать, вы молоды, у вас все впереди, зачем портить себе жизнь, вам надо оканчивать университет, защищать диплом, а ведь можете не защитить и не окончить, да не может быть, чтобы вы ничего не слышали, вспомните хорошенько, если вспомнят за вас, за свою неискренность и забывчивость придется отвечать по всей строгости, вы комсомолец, в конце концов и т.д. Когда они понимают, что аргументация не срабатывает, а рабочий день заканчивается, приглашают, наконец, следователя прокуратуры, чтобы составить официальный протокол допроса. Следователь Тихонов – почему-то его я запомнил лучше других, наверное, он все-таки чем-то отличался от «конторских» – записывает мои показания о литературных исканиях Вампиловского товарищества. Когда к вечеру выхожу из здания на улице Литвинова на улицу, от «Беломора» и голода у меня кружится голова (позавтракать-то не успел). Добираюсь до дома, успокаиваю жену. Бедная Оля, ждала-переживала одна, она не могла даже сходить к родителям, боялась их напугать такими вот новостями.

Потом были еще вызовы и допросы, уже никакой «лирики» и игры – голая конкретика: просили подтвердить показания одного «товарища», который через полгода «вспомнил», что давал мне почитать книгу Эткинды о Бродском. Отпираться было глупо: да, книгу видел, читал – не понравилась! Почему? Ошибок много. В книге, а это был «тамиздат» (издана в Лондоне), действительно было немало глупых и грубых орфографических ошибок и опечаток. Кстати, этот, как оказалось, «памятливый товарищ» успел «вспомнить» многие и многие интересные для

следствия эпизоды, которые касались многих и многих. Он вспомнил все, даже то, что другие действительно успели забыть. А главное, он вспомнил все, что касалось Бориса Черных. Все, что Борис Иванович позволял себе говорить, писать, передавать, критиковать, оценивать, высмеивать и т.д. Вот какие удивительные свойства человеческой памяти продемонстрировал наш бывший «товарищ». Таких активных и «сознательных» свидетелей, на показаниях которых и строилось обвинение, оказалось штук пять. Не так уж много, учитывая, что следствием по делу Вампиловского книжного товарищества, которое длилось почти год, было охвачено около сотни человек. Это были члены товарищества, наши знакомые, знакомые наших знакомых и т.д. Что и говорить, КГБ пришлось по Иркутску «частым бреднем». Вся отловленная «рыбешка» тщательно «потрошилась» в кабинетах следствия. Те, что покрупнее, были сразу отсажены в садок, из них предполагалось готовить главное блюдо, из тех, кто помельче, замышлялся наваристый бульон.

После следствия был суд, Борис Черных получил пять лет реального срока и три года ссылки, Александр Панов – три года условно, были вынесены частные определения студентам, которые отказались давать какие-либо показания следствию. В результате Юлю Пушкину исключили с первого курса из университета, пятикурсниц Татьяну Викулину, Тамару Балаеву и Любу Ганиеву – не допустили к защите диплома. Один из главных свидетелей, наш бывший «товарищ» с уникальной памятью, отделался легким испугом, который, впрочем, через несколько лет перешел в тяжелую форму белой горячки и манию преследования.

* * *

Итак, что же такое было – Вампиловское книжное товарищество? И почему госбезопасность придавала такое значение существованию вольного студенческого сообщества? Попробую сегодня ответить на этот вопрос честно, не лжесвидетельствуя и «никого не выгораживая». Именно так, как призывали меня сделать тридцать лет назад опера и следователи. Хотя, опять же – «как наше слово отзовется»? Есть в Иркутске люди, которые до сих пор предпочитают молчать о своей роли в той истории.

Было ли Вампиловское книжное товарищество антисоветской организацией? Конечно.

И не зря главным фигурантам процесса было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и пропаганде, и осуждены они были по соответствующей статье 70 УК РСФСР. Как бы дико сейчас это ни звучало, но если судить по меркам того времени, то оснований для репрессий было сколько угодно. Во-первых, наше сообщество, которое объединило в основном студентов-гуманитариев Иркутского университета, нигде не было зарегистрировано и не имело отношения ни к каким официальным советским структурам – парткомам, профкомам, студкомам, комсомольской организации, а значит, никак не могло ими контролироваться. Что само по себе представляло, по мнению власти, из ряда вон выходящий и совершенно возмутительный факт. Во-вторых, Вампиловское книжное товарищество имело свое издание, которое вполне могло называться печатным и даже «массовым», поскольку печаталось на машинке через копирку в нескольких экземплярах. Издание, как и само товарищество, нигде и никоим образом не было зарегистрировано и распространялось среди знакомых. Это уже был настоящий криминал по советским меркам – «самиздат». Еще большими крамолой и криминалом было чтение и распространение в студенческой среде «тамиздата» – книг и журналов, изданных на Западе. Таких изданий в Вампиловском товариществе было немного, и все они попадали в наш круг в основном через Бориса Ивановича Черных, который получал их от своих знакомых в Москве и Ленинграде. Какие же книги считались «подрывными» (был такой термин – «литература, подрывающая советский строй», а в статье 70 УК РСФСР она определялась как литература, **содержащая «клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй»**)? Это уже упомянутая книга бывшего советского литературоведа Ефима Эткинда о бывшем советском поэте и переводчике Иосифе Бродском – «Записки незаговорщика». А также: Иван Бунин «Окаянные дни», Андрей Платонов «Чевенгур», Анна Ахматова «Реквием», о. Павел Флоренский «Столп веры», Василий Розанов «Легенда о Великом инквизиторе» (издание 1906 г.), Борис Комаров «Уничтожение природы» (изд-во «Посев»), Фазиль Искандер «Пир Валтасара», фотокопия «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына, рукопись Бориса Черных «Маленький портной». В число изъятой во время обысков «подрывной литературы» попали Еван-

«Под сенью Ботанического сада...» Члены Вампиловского книжного товарищества Наталья Смирнова, Андрей Черных, Ирина Виноградская, Андрей Грохольский.

гелие от Матфея, Иоанна, Марка, Луки. А также экземпляры трех номеров «Литературных тетрадей», изданных Вампиловским книжным товариществом, и материалы к четвертому номеру: первые стихи, попытки рецензий, прозаические дебюты, публицистические опыты и философские черновики Натальи Смирновой, Иры Виноградской, Юли Пушкиной, Игоря Арефьева, Сергея Шалимова, Вали Гураевской, Александра Панова, Андрея Черных, Сергея Лукиных. Вот такая «подрывная литература», такой ряд имен. Ну, ладно, Матфей, Солженицын или Бунин. Но чем мы-то со своими робкими литературными попытками были опасны для советского строя? Да тем и были опасны, что благодаря тому же Евангелию, Солженицыну, Бунину, Розанову «расширили свое сознание» и знали уже больше, чем нам положено было знать.

Ничего не могу сказать о преподавании в нынешних университетах, поскольку не знаком с

ним, но то образование, которое мы получали в свое время на гуманитарных факультетах, я бы назвал ущербным. Ущербность эта чувствовалась во всем, и прежде всего в том, как нам давалась литература, история, философия. Совсем не склонен обвинять наших преподавателей. Они действовали в рамках учебной программы, и некоторые даже пытались каким-то образом заглянуть за эти рамки. Но только некоторые и только чуть-чуть и ненадолго. Позволить себе диссидентствовать и вольнодумствовать среди преподавателей не мог никто – мигом вылетешь из университета и окажешься или на улице, или в психушке. Не обвиняю я наших доцентов и профессоров, я только не понимаю, до сих пор понять не могу, как и почему один вполне уважаемый студентами до этого случая преподаватель-лингвист согласился выступить общественным обвинителем на судебном процессе против Вампиловского книжного товарищества. Я понимаю, нужен был общественный обвинитель из авторитетных педагогов, серьезный оппонент Борису Черных, человек, умеющий логически мыслить и хорошо говорить, опять же партком обязал как коммуниста. Но неужели нельзя было отказаться!? Ведь он даже не знал лично Бориса Ивановича Черных, против которого ему нужно было выступать, этот «обвинитель» впервые увидел своего «обвиняемого» на суде! На каком «крючке» его вытащили на этот процесс? Преподаватель, мобилизованный парткомом и КГБ, пытался выстраивать свои логические построения, опровергать идеи и высказывания Черных, его философию. Но как выглядел этот «поединок идей»? Один оппонент находился на скамье подсудимых, а другой доказывал его неправоту, прекрасно осознавая, что каждый аргумент приближает оппонента к реальному сроку и подводит идеологическую базу под юридические требования прокурора. Впрочем, если организаторы процесса замыслили устроить идеологический и философский разгром Бориса Черных, то он не получился. Зато получилась очень наглядная иллюстрация на тему: диссидент и конформист. Два действительно умных, действительно образованных и не по-советски начитанных гуманистара, только вот один – умный, но сломанный.

* * *

Я познакомился с Борисом Черных в день похорон Владимира Высоцкого. Нет, мы не были в тот день в олимпийской Москве, не шли за гро-

бом поэта. Мы поминали его в Иркутске. Сначала втроем: Игорь Арефьев, я и Леша Серов, который накануне прилетел из Питера. На первом курсе филфака мы образовали литературное объединение ЗАГС (Зайнульдинов, Арефьев, Грохольский, Серов). Но оно просуществовало всего год. «З» и «С» перевелись в Ленинградский университет, а «А» – на заочное отделение. Но иногда получалось встретиться: читали друг другу новые стихи, общались. О чем могут говорить три филолога? Обо всем, но в тот день тема была одна – Высоцкий. Включили магнитофон, выпили бутылку болгарского сухого, пытались сочинить какие-то поэтические эпитафии. Выходило слабовато, неубедительно. Позже мы прочитали о чувствах, которые нас тогда переполняли, в поминальных строках Вознесенского («О златоустом блатаре, рыдай, Россия...»), услышали в песне Окуджавы («...говорят, что грешил, что не к сроку свечу потушил...»). Игорь предложил прогуляться в Ботанический сад в гости к «очень интересному человеку». В тот день в воздухе было какое-то особое настроение, хотелось куда-то идти, общаться, говорить. Пошли в Ботанический сад, благо он был недалеко от моего дома.

Небольшая изба-сторожка, куда мы пришли, спряталась под сенью старых сосен в самом углу Ботанического сада. Во дворе нас встретила здоровая овчарка, которую отогнал высокий смуглолицый парень. Это был сын хозяина – Андрей. Хозяин был в избе и не один. Здесь же было несколько парней и девушек, как оказалось, бывших учеников Бориса Ивановича из 27-й школы, где Черных вел факультатив по эстетике, и студент-журналист Александр Панов. «Вот, – сказал Борис Иванович, представляя одного из своих учеников, одетого в военную форму, – играл Луку в школьном спектакле «На дне», а сейчас с десяти метров нож может в дерево воткнуть». «И в человека так сможешь?» – обратился он к «Луке». Тот смущенно молчал. Мы выставили на пустой стол принесенную с собой бутылку «Медвежей крови». Борис Иванович послал Андрея в огород за редиской. Мы выпили красного вина, закусили переросшей и горькой августовской редиской и немного поспорили на модную тогда тему: можно ли считать Высоцкого настоящим поэтом? «Высоцкий, конечно, создавал вокруг себя особую атмосферу, но мне ближе Окуджава», – признался хозяин и попросил нас почитать свои стихи. Помню, я прочитал вот это:

Заколоколилась Пасха
 В синем дрожащем небе.
 Заколоболилась Пасха
 В белом высоком хлебе.
 Мерно кладет челобитья
 С башенных далей колокол
 Трамвай-попугай утянет
 Эхо визгливым волоком.
 Тоненько так подрумянилось
 От солнца все окрест.
 По телу тепло разольется:
 Господи, я – воскрес!
 Голуби на паперти,
 Сирые сизари.
 Будут вам со скатерти
 Пасхальные сухари
 Хорошо быть праведным
 Хоть один раз в год.
 Язычок от памяти
 В свод небесный бьет.

– Вот интересно, как человек, чуждый православной культуре, пишет такие стихи? – спросил Черных.

- Почему чуждый? – не понял я.
- Так вы комсомолец?
- Комсомолец. Ну и что?
- Комсомолец, значит, атеист. Так?
- Не знаю. Это стихотворение как-то неожиданно написано, – признался я.

К тому времени я был участником литературного объединения «Аэлита» при ИГУ, печатался в университетской газете. Но это «пасхальное» стихотворение, как и некоторые другие свои стихи, я не мог принести ни в какое литературное объединение и ни в какое советское издание. Разговор за столом пошел о том, как рождаются стихотворные строки и кто их «диктует» поэту. Это был настоящий поэтический семинар, вот здесь, в сторожке Ботанического сада, поиск истины и равноправный обмен мнениями со старшим коллегой, общение, которого нам так не хватало в стенах университета. Свобода суждений, иногда резкость, иногда нарочитая – все это привлекало в разговоре с Борисом Ивановичем и выгодно отличало от унылого и регламентированного общения с университетскими преподавателями. Сейчас я понимаю, что у Бориса Ивановича был уникальный полемический и педагогический дар. В этом человеке соединились умение заинтересовать своими знаниями и способностью нетривиально мыслить, желание

слушать собеседника и вызывать, можно даже сказать, провоцировать его на откровенность. А главное свойство БЧ, без которого учитель не учитель, – отношение к ученикам как к молодым и неопытным, но, несомненно, талантливым коллегам. Да, именно коллегам.

В те времена мы уже были готовы отрицать, но не готовы утверждать. Модель «развитого социализма» и идеология коммунизма вызывали у нас стойкое неприятие. Во многом, кстати, благодаря совершенно тупой и лживой официальной пропаганде, которая лишь доказывала, что власть держит всех за дураков. Что противопоставить взамен? Ответы мы искали у русских писателей. У тех, кто был далеко – Достоевский, Солженицын, и у тех, кто был рядом – Черных. Но Борис Иванович не давал готовых рецептов. Создавалось ощущение, что он сам искал ответы на вопросы, что мучили всех, вместе с нами искал пути к истине, продираясь через окружавшие нас дебри махрового материализма и атеизма.

* * *

Почему наше товарищество стало называться Вампиловским? Много ниточек связывало нас с этим именем. Во-первых, Александр Вампилов – знаменитый драматург, духовно близкий нам человек, учился, как и все мы, в Иркутском университете. Правда, в другое время. В то время, когда там учился на юрфаке Борис Черных. Они были хорошо знакомы, дружили. Это во-вторых. Кроме того, моя школьная учительница литературы Галина Валентиновна – родная сестра Александра Валентиновича Вампилова. Она много рассказывала нам, своим ученикам, о брате, о перипетиях его жизни, о том, как он стал драматургом. Борис Иванович тоже немало поведал нам, студентам, о своем друге, на филфаке по рукам ходил его очерк об Александре Вампилове «Чистая лампада». В нем были любопытные факты из личной жизни Вампилова-студента, Вампилова-журналиста, Вампилова-писателя, о том, как секретарь Иркутского обкома КПСС Антипин исполнял добровольные обязанности личного цензора молодого драматурга, а некоторые иркутские писатели ему усердно в этом помогали. С очерком «Чистая лампада» произошла целая история. Я дал его на время своей учительнице Галине Валентиновне. Она, в свою очередь, дала почитать Валентину Григорьевичу Распутину, а потом, возвращая

рукопись, передала его мнение. Валентину Григорьевичу очерк не понравился. «Я знал другого Вампилова», – сказал он.

«Я знал другого Распутина», – сказал Борис Черных, когда узнал о мнении Валентина Григорьевича. Отношения у Черных и Распутина, двух близких друзей Александра Вампилова, всегда были непростые.

* * *

Несмотря на вполне безобидное название, Вампиловское книжное товарищество не было кружком библиофилов. Хотя одна из задач, которую мы ставили перед собой, была вполне библиографической – составление «Круга первоочтения» – списка произведений, которые закладывают в человеке основы нравственности и духовности. «Круг первоочтения», в котором первое место заняла Библия, формировался в результате продолжительных дискуссий и обсуждений. Помню, мы исключили из нашего списка шолоховскую «Поднятую целину», но единогласно оставили в нем «Тихий Дон». Вошли в «Круг первоочтения» «Архипелаг ГУЛАГ» и «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, пьесы Александра Вампилова, романы Валентина Распутина «Живи и помни», «Матера», его рассказ «Уроки французского»...

Литература для товарищества была прежде всего, но это была русская литература, а значит, в центре внимания оказывались глубинные вопросы поиска человеческой свободы и справедливости, отношения к власти, к Богу, к отечественной истории и современности. Последнее – составляло самый жгучий интерес как для нас, так и для органов безопасности. И если знакомство с работами Мережковского, который считался «нежелательным» автором, нам могли простить, то чтение и обсуждение Солженицына или Бродского, которые уже относились к «запрещенным» писателям, однозначно квалифицировалось как уголовное наказуемое деяние. Тем более что эти книги передавались из рук у руки, а значит, нами совершалось самое настоящее преступление – «распространение антисоветской литературы». Конечно, на дворе стоял не 37-й, а 82-й год, власть избегала массовых репрессий, поэтому органы госбезопасности выбрали в Вампиловском товариществе главную мишень – Бориса Черных. Он был старше, опытнее всех, знаком с диссидентскими кругами в Москве и Питере, через него в наше

студенческое сообщество в основном и попадали запрещенные книги. Его КГБ давно держало под прицелом и сейчас твердо решило наказать, причем без всякого снисхождения. Остальные члены товарищества тоже попали «под раздачу». Но уже «в воспитательных целях». Причем досталось всем, говоря политическим языком – и левым, и правым, что вполне соответствовало советской идеологии «единой линии партии» и лагерному правилу «шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству».

Так вот, о политике. Вампиловское товарищество не было библиографическим кружком, но и не было в полном смысле политической организацией. Мы не ставили перед собой определенных политических целей. Самой «политической» можно было назвать идею вампиловцев распределиться всем вместе после окончания университета в одну деревенскую школу или в один район и создать там некую «территорию свободного духа». Мы были одинаково юны, но не были политически однородны. У каждого были свои – нет, пока еще не убеждения – предпочтения: монархистские, анархистские, социал-демократические, либеральные, национал-патриотические. Если проецировать все это на современное общество, то получается вполне обычный политический спектр. Объединяло нас тогда, пожалуй, одно – неприятие партийно-бюрократической системы и идеологии, которая воцарилась в СССР. Наверное, всех нас можно было назвать антикоммунистами, и, как это ни парадоксально, самым коммунистом тогда среди нас был наш старший товарищ – Борис Черных. По крайней мере, Борис Иванович лучше и глубже всех нас был знаком с работами классиков марксизма-ленинизма, которые он всегда критически примерял к действительности, а «Тюремные тетради», написанные в застенках Муссолини основателем коммунистической партии Италии Антонио Грамши, были одной из любимых его книг. Конечно, это была другая коммунистическая идеология, другое мировоззрение, основанное на демократических принципах. Поэтому цитаты из Грамши звучали совершенно убийственно для КПСС, например: «Следует обратить внимание на то, что там, где устанавливаются тоталитарные режимы, традиционная функция института верховной власти присваивается на деле определенной партией, которая является тоталитарной потому, что выполняет эту функцию».

Политическая неоднородность нашего товарищества проявлялась по мере того, как мы углублялись в «вечные вопросы» русской жизни. Мне запомнился семинар по творчеству Достоевского. Он проходил, как и многие встречи вампиловцев, в доме у Саши Панова. Александр Панов – личность незаурядная и известная в студенческой среде уже тем, что умудрился в советское время, да еще в городе заняться самым настоящим фермерством. Он жил с семьей в большом доме в предместье Глазково в Офицерском переулке. В усадьбе был с огромный по городским меркам участок земли (26 соток!) и свиноферма на десяток голов. Как Панов выкармливал своих животных – это отдельная история. Но все, кто немного помнят 80-е годы прошлого столетия, согласятся, что в советское время одинаково трудно было что купить мясо, что вырастить его. Панов работал, вкалывал, добывал, где придется – в столовых, на овощных базах – корм, выращивал и продавал свинину на колхозном рынке, покупал книги на черном (а хорошие книги стоили дороже, чем мясо), учился заочно на журналистике. У Саши было идеальное место для собраний товарищества – некое свободное пространство или пространство свободы: свой дом, большой сад, просторная библиотека ...

В школе и в университете мы «изучали» Достоевского самым парадоксальным образом. Читали и пытались обсуждать романы, убеждаясь в конце концов, что не можем говорить о главном. Преподаватели стыдливо умалчивали тему богоискательства, а мы, сочувствуя героям, порой не понимали их – что за безвольное поведение, бесплодные размышления, бессмысленные мучения! Ради чего все это? Воспитанные на героике Павки Корчагина, «литературе результата» и вульгарном «соцреализме», мы хотели и пытались понять нашего великого писателя-соотечественника. Но для этого надо было читать «все» Достоевского, а не только те произведения, которые предлагала школьная и университетская программа. Поэтому в центре обсуждения нашего семинара оказались не только «Преступление и наказание», «Идиот», но и «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы». Конечно, наши размышления были очень незрелы, но лично для меня тот разговор стал отправной точкой в новом понимании Достоевского. Не бывает преступления без наказания, но наказание может стать преступлением, так зло порождает

зло. И прервать эту череду может только тот, кто простил первым.

Шесть лет спустя Борис Иванович Черных освободится из тюрьмы и первым делом пойдет в церковь. Он снова наденет крест, который был на нем в младенчестве, покрестит своих детей. Слова «русский путь», «русский крест», «русский берег» станут для него как для русского писателя главными. Мог ли тогда, в 1982-м, Борис Черных думать, что пройдет путь Федора Михайловича – от бунтаря и заговорщика левого толка – к патриоту и христианину?

Иркутск, апрель 2012 г.

Наталья СМЕРНОВА

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Светлой памяти

Вампиловского книжного товарищества,
разгромленного Иркутским КГБ в 1982 г.

Под сенью Ботанического сада
(под сводами духовного Лицея)
Печаль струилась и сияла радость.
От юности неистойвой пьянея,
Мы жили своевольно и строптиво:
Любили небо, звезды и деревья,
любили книги – презирали чтиво,
и понемногу пробовали перья.
Дышалось вольным воздухом отрадно.
И в бедном романтическом жилище
Свой лик запретный нам являла правда
(как верно – что находит тот, кто ищет).
А в кабинетах нелюди читали
«Тетради» наши, и статьи, и письма,
И красною чертою отмечали
Достоинства исполненные мысли.
И дело двигалось на загляденье споро.
И делу дан был ход, И очень скоро
Вступили мы в круговращенье ада
Под знаком Ботанического сада.